

Антимилитаризм как тактика анархизма

Пьер Рамю

1907

Оглавление

Анархисты и широкое движение за мир	3
Государство и милитаризм	5
Антимилитаризм как тактика анархизма	10

Анархисты и широкое движение за мир

Как анархисты, т.е. мужчины и женщины, стремящиеся к безгосударственному состоянию общественного мира и усматривающие лишь в его основании рассвет истинного, человеческого культурного периода, мы радостно приветствуем то, что обсуждение так называемых проблем мира, разоружения, мира во всём мире получило международное значение и признание. Ибо мы усматриваем в этом случайное соглашение с нашими идеями и устремлениями. В то время как в стане друзей мира значительно разнятся мнения по поводу выполнимости, временных и материальных условий отказа от милитаризма, в среде анархистов было слышно лишь одно: *Безусловное отрицание милитаризма, безусловное стремление к его полному упразднению!* Мы, те, которых презирают и преследуют, кого власти и угнетатели обзывают «убийцами», «врагами общества», мы, который постоянно представляли единственной ведущей войну в обществе силой — мы всегда были и всегда будем в согласии с нашими идеалами человеческого счастья, человеческой свободы, апостолами мира; и если мы ведём войну, войну, к которой нас вынудили, то мы, в более глубоком смысле, делаем лишь то, что должны делать все так называемые друзья мира, но что делаем только мы с необходимой для этого энергией: мы, анархисты, ведём войну не против истинных апостолов мира, как это делает государство со всей его лживой жестокостью; мы ведём войну нашего просвещения лишь против разжигателей социальной и милитаристской войны. Мы боремся лишь против этой военной организации, в остальном же мы живём в мире со всеми людьми, если только они не соучаствуют в грабеже привилегий сегодняшнего общества и в тираническом учреждении внутри общества, в *государстве*.

Но мы не собираемся утаивать одного: наш антимилитаризм является *особым* антимилитаризмом и отличается от антимилитаризма буржуазии, насколько она тоже выступает против милитаризма, от антимилитаризма социал-демократии тем, что он обладает совершенно иным пониманием, отличной от их целью. Как мы сможем увидеть в ходе этого доклада, до сих пор существовало два вида антимилитаристского действия, и лишь анархисты добавили к этим данным и сегодня ещё фундаментальным формам третью, собственно, *анархистский антимилитаризм*.

Не-анархистское понимание антимилитаризма видит в войне жестокость, грубость и зверство человека и людей, существующие ради себя и посредством себя. Образ общества, основания нашей экономической жизни отступают, обделяются вниманием буржуазных любителей мира. Они мечтают о мире, как пророки религии мечтают о наступлении тысячелетнего царства. Они не видят в современном обществе и его экономических основаниях ничего создающего войну и в ней нуждающегося, и, более того, верят, что войны начинаются из-за отрицательных качеств того или иного индивида, той или иной категории индивидов. И если в последнем они не так уж и неправы, то всё равно остаётся вопрос — каковы мотивы и поводы, делающие ту или иную категорию людей шовинистами, осознанными или не осознанными, расчётливыми или слепыми потворниками войны.

У тех же друзей мира, которые причисляются к радикальным партиям общественной жизни — т.е. от либеральных течений до лево-либеральных социал-демократов — на первый план выступают другие моменты. Если буржуа обращается только против

отдельных индивидов, в которых он видит шовинистов и разжигателей войны, то эти партии вполне признают экономические причины войны. Они понимают и её неизбежность и достаточно ясно видят лживость «миролюбивой» буржуазии. Вот только они принадлежат к стремящимся к власти и силе тенденциям в современной жизни государства. Таким образом, они не могут заметить причину зла в существующей форме государства. Смена государственной власти всегда означает лишь одно: правящий класс смещается и другой класс занимает место за штурвалом государственной власти. Каждая из этих стремящихся к власти партий в мыслях уже мнит себя добившейся правления. И тогда они хотят, в этом заключается их обещание, посредством правового регулирования чётко определённых условий войны, посредством реформирования армии и её усовершенствования, равно как и ограничением на оборонительные войны, придя к государственной власти как партия, упразднить современную войну.

В то время как буржуазные друзья войны, тем самым, ожидают упразднения войны от благих постановлений могущественных государственных мужей, вельмож и личностей — стоит только вспомнить ликование этих кругов о высказываниях русского одичавшего царя, — другие, радикальные и социал-демократические друзья мира и «антимилитаристы» лелеяли надежду на упразднение войны при помощи государственной машины, её механизма. Хотя они и не верят в возможность исправления актуальных представителей власти, но сами считают, что они лучше и будут действовать иначе, когда *они* придут к власти.

Это — лишь расширенная версия первого. Факт же тот, что оба направления в своих практических предложениях соприкасаются довольно близко и интимно. Третейские суды, международное право, голосования о возможности войны в народе или в законодательных учреждениях и т.п. — всё это предложения, которые признаются и теми, и другими. Буржуа, собственно, надеется на *способность к исправлению государственного мужа*, социал-демократ — давайте рассматривать его ради аргументации как политически крайнего радикала — надеется на способность к исправлению государственной системы. Более логичным, возможно, оказывается буржуа, ибо с одной стороны, инициатива отдельного человека способна повлиять на многое, с другой стороны — государственная система состоит из составляющих её людей. Нелогичны оба, т.к. оба придерживаются мнения, что власть уничтожит проявление своей собственной сущности: *войну*.

В противоположность этому, анархисты предлагают совершенно иное мнение. Они не рассматривают войну как *особенное* чудовище общественной жизни; они знают, что она происходила в мировой истории при всех общественных формах государственного авторитета, и ищут тому причину. Их антимилитаризм занимается как вопросом самой войны, так и системой войны порождающей. В их универсальном понимании они приходят к выводам, которые, иногда, бывают параллельны мнениям остального движения за мир, но в своих целях приводят к совсем иным итогам.

Чтобы понять эти заключения, необходимо подробнее рассмотреть две проблемы: во-первых, возникновение войны, во-вторых, сам антимилитаризм, чьи передовые идеи лишь анархисты смогли сделать гармоническими целями и логичной тактикой.

Государство и милитаризм

Характерный момент войны проявляется в том, что некое сообщество людей нападает на другое сообщество или подвергается нападению с его стороны. Ясно, что нам, если мы вообще хотим понять, что такое война, нужно отправиться в эпоху примитивных условий человеческого существования. Лишь тогда, когда мы не дадим сбить себя с толку и впечатлиться многообразием и многосторонностью современных общественных учреждений и ограничимся тем, что ясно и отчётливо сможем наблюдать те немногочисленные моменты изменений, происходившие в примитивной организации человечества, мы сможем добиться правдоподобной картины нашей проблемы.

Война означает массовое насилие против массового насилия. Чтобы понять войну, нам необходимо попытаться изучить *истоки насильственного принципа.*

Антропологическая и биологические науки указали нам, с одной стороны, на борьбу за выживание, а история развития человека научила нас, что примитивный человек в своей ожесточённой борьбе с природными элементами, равно как и в преодолении нищеты, применял против своих соплеменников насилие; с этим мы, разумеется, можем согласиться. Но мы тут же добавим, что, как показал нам Кропоткин с восхитительной дальнзоркостью, борьба человека с человеком не составляет основной части его жизнедеятельности, и что, скорее, *взаимовыручка и объединение* среди примитивных людей были тем, что позволило им пройти через многочисленные стадии дикости и достичь оснований культурной жизни. Если бы жизнь примитивных людей состояла только из борьбы за существование против собственного рода, то недавний подъём и развитие ему никогда бы не удалось. От этого их предостерег фактор солидарности, или, более точно: *необходимость солидарности.*

Но можно согласиться с тем, что тут и там происходили насильственные столкновения между людьми. Мы можем согласиться с наукой — она тоже не всегда объективна, что бывало даже, что несколько людей объединялись против одного или даже нескольких и давали волю в борьбе своим диким, варварским инстинктам, занимались жестокостями и убийствами. Но в общем и целом, тут нам придётся признать, что во всех этих случаях речь шла о борьбе отдельных людей против других людей. Это было тем, что мы и сегодня ещё наблюдаем в форме дуэлей у «самых утончённых и благородных» представителей нации. Но такие обособленные столкновения ещё не являются войной, к тому же они были чрезвычайно редки и избегались в примитивном коммунизме человеческого рода.

Всем этим столкновениям не доставало определяющего признака войны: *организованной борьбы сообщества против сообщества, организованной из осознанно управляющего центра.* И этот признак возникает довольно поздно. Исторически он совпадает с возникновением организованной власти внутри социального сообщества: *государства.* Лишь вместе с ним возникает то, что мы называем *милитаризмом,* и лишь милитаризм вызывает и может вызывать: *войну.*

Сегодня это установленный, неопровержимо доказанный наукой факт, что государство зародилось при помощи насилия. Сильнейшие объединились и в образовании авторитета, всегда в последней инстанции опирающегося на физическое насилие, они присвоили себе привилегии и власть над средствами жизни сообщества.

Сначала эти сильнейшие были священниками, теми, кто посеял в затуманенных умах примитивных людей ложные представления религии. Их сила заключалась поначалу более в их хитрости и уме, чем в физическом преобладании. Те, кто возвысился так до властителей над сообществом, уничтожили изначальную свободу и равенство между людьми, и укрепили свою власть, в первую очередь, тем, что разделяли добычу между собой. Опьянённые фальшивыми идеями метафизики, которым их учили священники — первые короли, люди приносили свои дары, которые со временем превратились в строго определённые подати и налоги.

Сутью всяческого авторитета обуславливается то, что он стремится к расширению власти, к увеличению сферы власти. Как в целях собственных материальных интересов, так и ради сохранения своей власти на подконтрольной территории. Последнее чрезвычайно важно и может происходить лишь, когда фиксированный на сверхъестественное человеческий ум постоянно находит себе новую пищу, когда авторитет, т.е. государство постоянно представляется ему в новых манифестациях сверхъестественного. Человеческий ум должен быть выдрессирован так, чтобы он рассматривал себя только как средство, как инструмент высших, неземных целей. Авторитет может сохраняться только, если он в состоянии представляться человеку как оснащённая неземными качествами, охраняемая божествами сила. Чтобы достичь этого и воспитать человека согласно своим материальным интересам и целям, из бывшего охотничьего вождя, призывавшего благоволение высших сил на свою группу, развился король, военный предводитель, проповедовавший и повелевавший проповедовать в ходе исторического развития такие понятия как родина, патриотизм и национализм. И поскольку всякая власть стремится к тому, чтобы восприниматься как единственно правомерная, и всегда жадно косится на богатства соседей, народ всегда учили, воспринимать его собственную властную династию, его функции и помощников как возникшие по воле сверхъестественной сущности. Так возникло и развивалось то суеверное поклонение авторитету, существующее и по сей день.

Это такое умственное состояние народа, которое даёт властителю единоличную власть над отдельными членами общества. И лишь так возникает то, что мы понимаем под войной. Сообщество обрело осознанно действующий центральный орган, государство. И точно так же, как Библия пытается разбудить в уме невежи чувство благоговения перед богом тем, что она показывает его нам во всём его гневе и разрушительной страсти, так и земная власть прекрасно понимала, что с человеческим умом можно расправиться на долгий срок лишь тогда, когда он увидит авторитет в бесконечно возросшей власти и проявлении насилия. Лишь так стали возможными и могут объясняться тот фанатизм, то религиозное рвение, которые нам приходится видеть в шовинизме, там, где он всё ещё является подлинным. Война, в особенности война победоносная, и представление победы над врагом, освещает государство светом сводящей с ума славы; и таким образом, ведение войны — это та религиозно-мирская власть государства, которая служит его поддержанию.

Ибо что такое, собственно, государство? Государство, собственно, есть ни что иное, как милитаризм *en miniature*. Милитаризм есть систематизированное вооружённое насилие; государство не существует, если оно не представляет насилия вовне и вовнутрь. Ещё жёстче проблему можно было бы представить так: милитаризм

— это функциональное проявление принципа насилия; оным же является государство, т.к. это функциональное проявление не может свершиться без организационно первичного и демонстративно объявляющего войну порядка государственности. Посему милитаризм как организм общественной жизни — есть лишь увеличенное государство, т.к. власть государства представлена его вооружением. Таким образом, мы видим, насколько это смехотворно, насколько это обманчиво, когда современные государства говорят об «разоружении». Они прекрасно осознают, что это останется лишь фразой, ибо настоящее разоружение, т.е. преодоление милитаристского принципа было бы равнозначно самоубийству государственного принципа.

Демоническим в этом последнем принципе, его гениальным произведением как раз является воспроизведение милитаристского духа в самых широких слоях населения; и государству это удаётся только посредством пестования социальных, философских и религиозных заблуждений, которыми оправдывается только лишь его собственное существование. Отказаться от них, означало бы, между прочим, смерть милитаризма, а кроме того ещё и смерть государства.

Как видно, мы, анархисты, рассматривает этот вопрос весьма трезво и ясно. Поэтому наше мнение о сущности войны и столь отлично от мнения буржуазных любителей мира. Для них существует лишь *одна единственная* помеха в привычно защищаемой и лелеемой ими, в остальном, мировой гармонии: это сама война. И они считают, что могут упразднить её в рамках современного общества, а оное же сохранить в его существенных элементах. Это — довольно глупая иллюзия; она глупа там, где она честно провозглашается, и преступна там, где провозглашается в виде демагогии.

Мы, анархисты, имеем совершенно иной взгляд на сущность войны. Как гуманно настроенные люди мы её ненавидим, но мы в то же время знаем, что она в рамках сегодняшнего общественного (бес)порядка является ни чем иным, как увеличенным проявлением непрерывно бушующей а малом борьбы отдельных индивидов и классов друг против друга. Этот конфликт вызывается закреплённой в праве эксплуатацией, которой владелец имущества подвергает лишённых имущества, угнетением всяческой попытки, всякого поползновения со стороны угнетённых отвоевать своё право на жизнь, упразднение которого вызвано и поддерживается государством. Пока существуют голод и нищета, существует и борьба в том обществе, где беснуются эти фурии. А т.к. эксплуатация человека человеком очень часто приносит в жертву жизни бесконечно многих людей, это всего лишь вопрос сентиментальности — возмущаться против ведущейся на международной арене войны, но спокойно соглашаться с ведущейся в малом, но по объёму жертв зачастую куда более разорительной, войной.

Государство постоянно ведёт войну против неимущих. Эта партизанская война является зародышем войны между нациями. Два вида армий готовы сражаться против справедливых претензий рабочих, и они поступают так слишком часто: в сфере промышленности современное общество содержит экономическую резервную армию, в политической сфере — официальный милитаризм. И это тоже борьба между двумя сообществами: с одной стороны находится мир труда, с другой — государство с его солдатней и прочими элементами: полицией, шпионами, тюрьмами и палачами. И когда мы выше говорили, что государство ведёт непрерывную войну против неимущих, потому как более слабых, то тут мы снова видим массу аналогий с войной.

Всякая война, в принципе, ни что иное, как нападение одной силы, считающей себя сильнее и способной подчинить себе других, на другую силу. Подобно тому, как в жизни современных государств милитаризм всегда властвует над невооружённым, т.е., естественно, более слабым, то и сама война является ни чем иным, как вооружённым выступлением переполненной жестокими, страшными инстинктами и побуждениями массы или народной толпы, подгоняемой расчётливо действующими на заднем плане социально-политическими силами, против более слабого народа или властной группы. Тем самым, война проявляет себя как насилие над очевидно более слабым; война, таким образом, является великой социально-политической трусостью государства.

* * *

Перейдём же теперь к рассмотрению милитаризма, как он сегодня существует, как он развивался в течение двух последних веков, ибо он в своей современной форме не старше этого.

Тибодье (Антуан Клер, 1765-1854) сообщает нам о следующем восклицании Наполеона, которое он произнёс во время заседания государственного совета: «Призыв — это самый ненавистный и отвратительный для семей закон, *хотя он, к сожалению, необходим для безопасности государства*». Эту самую безопасность государства, которая ни мало не заботится о ненавистном и отвратительном, а вместо этого спокойно преследует свои сугубо эгоистические цели, мы можем наблюдать на протяжении всей двухвековой истории милитаризма. Это — история великих государств, история государственного альянса против, в особенности в последнее столетие, восходящей буржуазии и пролетариата, история, чьи процессы могут происходить только на основе всё более усиливающейся, всё более концентрирующей военной силы, которая как раз достигла такого спрутообразного охватывания и поглощения человечества, что она ежегодно получает от этого самого человечества до 6 миллиардов крон на поддержание своих сухопутных и военно-морских сил.

Сегодня народам приходится платить по счетам за войны, и поэтому всякая война имеет своими последствиями ещё большую нагрузку и ещё более высокие налоги для несчастных народных масс. Современный милитаризм произошёл от народного ополчения, так называемой гражданской самообороны и института наёмничества. Последние были наиболее презируемыми народными группами, с них началась (дурная) слава средневековой войны. Существуют многочисленные различия между милитаризмом древности, скажем, Афин, и милитаризмом средневековья и нового времени. Прежде всего, народное ополчение — это демократическое учреждение, как раз потому, что в нём нет места для той заслоняющей собой всё остальное личности принимающего решения тирана, единолично решающего о мире и войне. Народное ополчение древности, а также гражданская самооборона Средневековья были, несомненно, милитаризмами, но демократическими. Люди оборонялись или нападали, особенно в древности, для того, чтобы защитить или попытаться получить *свою собственную*, материальную выгоду. Но, в остальном, и это необходимо решительно подчеркнуть, народное ополчение (которое ещё называется милицией) является *такой же поработавшей, враждебной к культуре, обладающей всеми отрицательными*

чертами современного милитаризма, постоянной армии, силой, как и он сам. Т.к. – и это проявление честности, которому мы содействуем этим разоблачением! – на самом деле, как видно выше, между народным ополчением и современной постоянной армией существует лишь различие в форме. Там, где в последнем примере есть только один принимающий решения человек, в народном ополчении существует *не одна личность, а целый государственный институт личностей*. Результат тот же, ибо сохранение власти и вооружения, а также всеобщего воинственного воспитания уже достаточны, чтобы заставить народ быть воинственным, что затем используется государством, представителем интересов имущих. Кроме этого существенных различий между народным ополчением и постоянной армией нет. Мы тут постоянно говорим об ополчении при монархии или республике. Показательным для близорукости социал-демократии в её смехотворном энтузиазме по созданию народного ополчения, кстати, служит то, что современный милитаризм развился из средневекового, и произошло это совершенно логическим путём, т.к. последнему ввиду увеличения государственной централизации и сфер влияния просто «приделали» голову. Постоянная армия современного милитаризма суть просто снабжённое головой деспотизма народное ополчение.

До самого 17-го века князья и вообще любые правители сами оплачивали военные расходы. Если им не хотелось запускать руку в кошелек поглубже, им приходилось прибегать к грабежу. Но война ещё была их делом и велась ради них, и за ведение войны им приходилось дорого платить гражданам и наёмникам. Тогда ещё не возникло той отвратительной иронии, в *этом* предприятии обходиться с народом *по-коммунистически* и законным путём заставить народ расплачиваться по счетам, выставляемым войной. В этом смысле новое время было новаторским. И это была — тогда уже мрачное предвестие, недобрый знак о роли, которую этому имени предстояло сыграть в будущих судьбах народов всей Европы — Пруссия, которая могла позволить себе ввести и применить этот тартюфский принцип, эту дьявольскую методу использовать жизнь народов, их имущество и богатство в интересах власти имущих. Утверждается, что Пруссия при этом имела перед глазами благородный и достойный пример *Турции*, чья огромная янычарская казарма в Константинополе оказывала вдохновляющее воздействие. Таким образом, мы можем причислить к прародителям европейского милитаризма и ещё одного азиатского происхождения. – *«Закон права на всеобщее изнасилование»*, как верно определяло высказывание одного известного мыслителя современное учреждение милитаризма, его всеобщее принуждение к службе, является позором всяческого этического и гуманного принципа человечности. У милитаризма нет ни каких рациональных аргументов в своё оправдание или обоснование, он — это то крупномасштабное насильственное преступление, которое в более мелком масштабе кажется нам ненавистным и достойным презрения, и нам нужно научиться бороться с ним и в крупных масштабах. Ни кто иной, как Геккель сказал: молодые, цветущие, сильные мужчины вырываются по достижению определённого возраста из своих семей и переводятся в состояние безвольного, самого унижительного подчинения. Это состояние называется милитаризмом. Людям показывается, как оно могут убивать и уничтожать своих соседей, им преподают методiku разрушения того, что можно было бы назвать плодами продуктивного труда, их учат хладнокровно рассматривать опустошение цветущих

ландшафтов, уничтожение счастья неисчислимых тысяч семей как нечто само собой разумеющееся, что обнаруживает свою мотивацию и апологетику в слове «война». Из людей делают бешеных бестий на случай войны, их приучают к этой деятельности ещё во время мира, и солдат не должен отказываться от выполнения кажущегося ему морально отвратительного поступка. С того момента, когда он бы так поступил, он стал бы *плохим солдатом*, и это факт, что благодаря этой системе военной муштры миллионы людей страдают странной болезнью: её называют безволием и безразличием; и все эти миллионы являются не *плохими*, а хорошими солдатами.

Солдат ведь совсем другой человек, чем гражданский. Новое достоинство возникает для него из ношения другой одежды, которая, как ему рассказывают, служит отличительным знаком защиты отечества, домашнего очага, самых высоких «ценностей нации» от соседней страны; и по ту сторону границы в головы вбивается то же самое. Так, солдат прекращает быть человеком среди других людей; он становится солдатом среди людей, т.е. насильственной сущностью, признающей лишь насилие в роли регулятора межчеловеческих отношений.

Ради чего все гекатомбы жизней, счастья, мира, культуры, которые требует война? Нам говорят о патриотизме и национальном чувстве. Но всё это лишь лицемерные фразы, т. к. того, что называется «чистой нацией», не существует. Кроме того, мы ежедневно можем наблюдать, что государство требует национализма и патриотизма только от народа; государство и капитал давно стали интернациональными и интернационалистическими. Ведь государство изначально было прототипом международного слияния. Нет никакого национального государства, есть мир государств, которые, рассматривая массы как инструменты своей жажды завоеваний, разделяют между собой земли и их богатства в кровавой вражде и стремятся заставить угнетённые народы поверить, что они должны рассматривать себя как чётко разделённые, разграниченные группы от всех прочих народов и племён — и если надо, сражаться против них!

Война — это убийство по приказу. Мы можем понять и объяснить убийство, вызванное убеждением, страстью, патологическими моментами, короче, тем, что вызвано возобладавшими над человеком эмоциями. Убийство, задуманное тем, кто находится на безопасном расстоянии, исполненное индивидами, которые, подчиняясь лишь принуждению, должны были убить, направленное против индивидов, не причинивших ведущему войну народу ни какого вреда, на пользу лишь узко эгоистическим интересам власть имущих — такое убийство анархисты проклинают и осуждают самым жёстким образом. Изю всех сил они взывают:

Против хозяев войны! Война тем, кто хочет купаться в народной крови и для кого она является ремеслом и способом обогащения! В этом и состоит, в общем, антимилитаризм анархистов!

[...]

Антимилитаризм как тактика анархизма

Выше мы познакомились с общей идеей и движением антимилитаризма. Мы изучили историческое возникновение милитаризма, а также противостоящих ему

тенденций, рассмотрели различные тактические средства всех движений за мир и пришли теперь к подведению итогов нашего исследования.

На тике этого исследования необходимо показать, действительно ли анархисты представляют единственно последовательный антимилитаризм.

Как анархисты, мы понимаем милитаризм не как обособленное явление государственно-капиталистической жизни, а как основное проявление силы всей этой жизненной системы государственного и экономического насилия. Мы, конечно, направляем наши нападки, прежде всего на милитаризм, когда мы говорим об антимилитаристских акциях, но это лишь потому, что он самым явным образом демонстрирует насильственный принцип как основной мотив всех жизненных проявлений этого общества. В остальном же наш антимилитаризм *универсален*, подобно тому, как, парафразируя Прудона, универсален наш атеизм. Как анархистские антимилитаристы мы боремся не только с постоянной армией, но и со всей организацией функций насилия. Мы боремся против всякого вооружённого насилия в актуальной общественной жизни, т.е. и против жандармерии, постоянной армии надзирателей и тюремщиков; мы боремся против армии юстиции: против судей, государственных обвинителей, т.к. все их функции основаны на насилии — мы напомним лишь о палаче! Короче говоря, мы боремся против *общей организации государства*, которое является ни чем иным, как главой вооружённого до зубов милитаризма. – В этой прямой, непосредственной просвещенческой борьбе и в её чисто умственном руководстве находимся мы, анархисты. Поэтому не следует рассматривать милитаризм и его действия только с точки зрения сопротивления и наступления, как это делает социал-демократия; милитаризм, более того, – это современное общество и все те принципы, на которых оно покоится.

Мы — антипатриоты, т.к. мы не признаём власть, происходящую из военного произвола и насилия, границы, прочерченные национальными государствами. Все те, кто проживает по ту сторону так называемых границ, и вынуждены работать и подвергаться эксплуатации, кто угнетается, все они — наши братья и соратники в борьбе. Существует два мира, и они недвижимо и непримиримо отделены друг от друга: мир порабощённого труда и мир позорно действующей тирании и эксплуатации. Наша родина не определяется землёй нашего рождения, именем какой-либо страны, языком какой-либо расы или нации; наша родина, дабы расширить высказывание Данте: это мир нищеты, бедствия и страдания. Избавить её от всего того унижительного — это единственная война, которую мы признаём. Боевое воодушевление в этой борьбе — вот наш патриотизм.

Если мы обратимся к практическим средствам борьбы, которыми мы обладаем как антимилитаристские анархисты, нам в глаза бросаются два направления действий. Это — средства борьбы, которые, с одной стороны, признаются французским революционным профсоюзным движением, а с другой стороны, приняты *Международной антивоенной ассоциацией*. Они, например, следующие:

Тактика французских революционных профсоюзов заключается в:

- а) подаянии солдатам и общей солидарности с солдатами и (призванными на службу) товарищами;
- б) публичной пропаганде просвещенческого толка.

Резолюции антивоенного Интернационала включают в себя:

- а) признание выше обозначенной тактики французского профсоюзного движения;
- б) резолюцию Жироля (Jean Girault, Франция), призывающая профсоюзы основывать молодёжные организации в целях антимилитаристской пропаганды;
- в) всеобщая стачка как средство борьбы с войной (резолюция товарища Нивьенхёйса);
- г) голландская резолюция, требующая пропаганды среди матерей подрастающих детей и самих детей;
- д) индивидуальная инициатива и личная ответственность.

Мы прекрасно понимаем, что перед нами ещё долгий путь, пока трудящиеся всех стран не смогут ясно понять, принять и последовательно претворить в жизни идеи антимилитаризма и антипатриотизма, т.е. анархистского антимилитаризма. Невежество всё ещё царит в головах пролетариата, и враги пролетариата, равно как и его *фальшивые* друзья — в первую очередь, политические выскочки от социал-демократии — ни в коем случае не заинтересованы в том, чтобы действительно говорить с пролетариатом начистоту. Но это не должно помешать нам, ни как отдельным индивидам, ни нашим группам выполнять повеление нашей совести и повсюду пропагандировать антимилитаристские принципы мира и свободы.

* * *

Весной 1907-го года мы наблюдали в районе Лондона Вулвиче странную ситуацию. Тамашние рабочие арсенального завода постепенно увольнялись английским государством, т.к. у него больше не находилось для них работы. Тогда рабочие начали созывать огромные собрания и обратились против английского правительства, громко протестуя против увольнений и требуя работы. Эта ситуация ставит нас лицом к лицу с чрезвычайно важной проблемой:

Как должны вести себя анархистские антимилитаристы по отношению к тем рабочим, которые создают амуницию и прочие инструменты убийства для войны?

Ответить на этот вопрос нелегко. Но не нужно забывать, что война, среди прочего, потому так крепко и глубоко коренится в современной общественной жизни, что у широких кругов населения есть материальный, обогатительный интерес в её ведении. Шовинизм ведь — весьма прибыльное и рентабельное дело. (...)

В данном случае нам необходимо принципиально и вне парламента высказаться против наращивания производства орудий убийства. Такое наращивание производства служит непрямою провокацией войны. Мы должны объяснить рабочим, что это за невыносимый позор работать в той отрасли, которая, как видно, существует только ради создания тех приспособлений, которыми будут убивать их братьев. Мы должны сеять отвращение и презрение к подобной проституции человеческой рабочей силы, её использованию в подобных целях.

* * *

В самой природе рассматриваемого нами вопроса заключается, что мы не можем провозгласить определённые, почти что абсолютные максимы для действий каждого

антимилитаристски настроенного анархиста. Как свобода отдельной личности, так и образ действий антимилитаризма это совершенно исключают. Более чем любая другая тактика массовой борьбы, антимилитаризм зависит в своих проявлениях от отдельной личности. И поэтому мы не имеем тут нашей целью предписывать какие-либо методы; нашей целью тут является показать читателям, придерживающихся любых направлений антимилитаризма, позиции и аргументы анархистского антимилитаризма, т. к. мы считаем, что антимилитаризм являет собой верхушку философского здания анархизма, его идеальной цели.

Те же, кто внимательно изучил резолюцию штутгартского социал-демократического конгресса по милитаризму, знают, что эта резолюция совершенно пуста, она колеблется туда и сюда. Слова Фольмара на съезде партии в Эссене, что было бы неправильным утверждать, что эта резолюция, якобы, «дала социал-демократии значительный толчок вперёд», совершенно верны. И в самом деле, было бы более чем наивно предполагать, что какая-либо формулировка этой резолюции, *якобы*, даёт «значительный толчок» и опровергает Фольмара. Уже только по той одной причине, что социал-демократия в интернациональном плане во всех антимилитаристских вопросах занимает *совершенно отличную от анархистской* позицию.

Вот это важно, вот это надо подчеркнуть!

В этом заключается определённая трагичная правда, когда Бебель, Фольмар и т.д. выступают против французского антимилитаризма с тем утверждением, что его пропаганда в Германии означала бы «конец немецкой социал-демократии». Трагичная потому, что простыми, трезвыми словами высказывается, что немецкий «революционный» социализм после более сорока лет социал-демократии всё ещё одет в короткие штанишки. Иначе ни один закон мира не был бы в состоянии сломить его, если бы у него действительно было три миллиона последователей! И если это, кроме того, самосознание жалкой слабости, то надо отдать социал-демократии должное и согласиться с тем, что она не предпринимает ничего невозможного и последовательно распространяет идеи антимилитаризма в рамках *принципиального убеждения*. Это надо признать — *если последнее, конечно, верно* — т. к. и немецкие анархисты, точно так же как и мы в Австрии, не в состоянии действовать в наших общественных и других акциях так же, как наши французские товарищи.

Но в этом-то и заключается главный вопрос, всё самоуничужение социал-демократии и тактические различия между её и анархистским антимилитаризмом.

Тем не менее, от трехмиллионной армии можно было бы, *прежде всего*, требовать *действий*, и если мы этого не делаем, то мы не осуждаем социал-демократию из-за этого отсутствия действий. Оные могут произойти и позже. Но социал-демократия *предаёт* истинные интересы пролетариата, в первую очередь, потому, что она не только не занимается своей первостепенной задачей *принципиальной и всеобъемлющей пропаганды дела антимилитаризма*, но и пытается очернить, высмеять, задушить каждую попытку этой пропаганды. Учения её новейших произведений о государстве, милитаризме, военщине, войне, солдатских обязанностях и т.п., являются исключительно буржуазно-либеральными и не имеют с фундаментальными принципами социализма ничего общего; а каково учение, таковы и поступки.

Тут мы подходим к фундаментальному различию между социал-демократическим и анархистским антимилитаризмом. Вполне возможно, что социал-демократия

однажды ещё воспользуется некоторыми методами действия анархистского антимилитаризма подобно тому, как она воспользовалась всеобщей стачкой из арсенала анархизма, когда она была к этому вынуждена. Но тем самым она всё ещё не стала идентичной с анархистским антимилитаризмом.

Наш антимилитаризм потому так значительно отличается от любого другого, что для него важно, прежде всего — и даже прежде самих действий! — *развернуть принципиально верную, ясную, логическую и недвусмысленную пропаганду в смысле социальной критике насилия*. Анархистский антимилитаризм, с точки зрения принципов, демонстрирует грандиозное единство, во всех выше означенных вопросах о государстве, милитаризме и т.п. для него не существует теоретического раздора, его пропаганда идентична с его целью: *упразднением государственности, а, следовательно, власти, и, таким образом, самоупразднение всякой насильственной организации*.

Эта пропаганда идей важна для анархистов. Ибо эти анархистско-антимилитаристские идеи сами находят себе применение, тактические средства, которые зачастую превосходят средства, обсуждавшиеся нами выше, и являются такими разнообразными, что их невозможно обобщить. Они обосновываются гуманным и свободолюбивым духом анархизма, вдохновляющем *этих* антимилитаристов; и подобно раскрытому секрету, эти действия вольного духа повсюду, и могут подобно фигуре революции у Фрейлиграта заявить с гордо поднятой головой, наперекор всем многочисленным преследованиям, угнетению и заточению в тюрьмы: «Я был, я есть, я буду!» Они невероятны, и они исчезнут лишь с исчезновением любого рода государственного милитаризма.

* * *

Нам остаётся лишь обозначить нашу позицию касательно христианских антимилитаристов и анархистов, прежде чем мы подойдём к концу. Мы опираемся тут, прежде всего, на выдающийся, сконденсированный в программу труд *Германа Ветцеля «Отказ от службы в армии и осуждение войны и призывной службы в истории человечества»* (1905).

Наша позиция в отношении христианских антимилитаристов и толстовцев в этом вопросе отличается от их позиций лишь тактических принципиальных моментах, но не на практике и, вообще, не в повседневной деятельности. Основное различие: христианские антимилитаристы признают начальство, пока оно не приказывает им «ничего грешного». Их отношение к властям хотя и является принципиально антагонистическим, но на практике — пассивно отрицающим и, тем не менее, радостно подчиняющимся пока власти не вступают в прямой конфликт с их религиозным мировоззрением, т. к. они видят в страдании очищение человека и сообщества. Мы же, напротив, являемся принципиальными врагами *любых* проявлений государственности, и реагируем на всякое её действие протестом. Наши устремления направлены на то, чтобы убедить всё большее число людей в несправедливой сущности государства, и приложить все усилия к тому, чтобы всё большее число людей осознало его бесполезности и вредность и лишило его симпатий и поддержки во всех вопросах социальной жизни.

Это — если угодно, принципиально-тактическое различие в теории (а иногда и практическое) между нами, анархистами, и христианскими антимилитаристами

и христианскими анархистами, обоснованное нашими научными познаниями о природе и обществе.

* * *

Постепенное выдавливание государственной власти из общественной жизни, постепенная отмена её насильственных функций и лишение её человеческого материала посредством рационального просвещения, сопротивление всем её насильственным действиям — вот задача анархистских антимилитаристов.

Для анархиста, таким образом, антимилитаризм служит политической тактикой, ибо он означает в социальном смысле *благородное самоперевоспитание* в безвластный индивид, в безвластное сообщество. С исчезновением этой цитадели государственного принципа — милитаризма — исчезнет из жизни народов, из человеческого общества и сам этот принцип. Насилие как постоянное учреждение будет изгнано из области человеческого действия, на его место заступит человеческий разум, стремящийся к мирному разрешению конфликтов и свободному переформированию сообществ, к экономической возможности этого изменения, к упразднению всех государственно-национальных границ, к разрешению всех спорных вопросов в федеральных, негосударственных, т.е. Автономных объединениях человеческих групп. Антимилитаризм, таким образом, является тактическим методом анархизма, т.к. он непосредственно и напрямую вводит нас в фазу борьбы за свободное общество будущего. [...]

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Пьер Рамю
Антимилитаризм как тактика анархизма
1907

Скопировано 09.12.2020 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=1488>, также
доступно на <https://www.nihilist.li/2015/02/27/antimilitarizm-kak-taktika-anarhizma/>

ru.theanarchistlibrary.org